

В. М. МЕЖУЕВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ЯВЛЕНИЕ И ПОНЯТИЕ²

Понятие национальной культуры возникло на стыке понятий "нация" и "культура", каждое из которых само по себе – предмет разноречивых суждений и острых дискуссий. Но и в сочетании друг с другом они не имеют на сегодня однозначного толкования.

Отношение к национальной культуре постоянно менялось в нашей недавней истории. Ленин считал лозунг национальной культуры буржуазным, даже реакционным, видя в нем проявление буржуазного национализма. Признавая его относительную оправданность в борьбе с феодальным прошлым и при переходе к капитализму, он отвергал его применительно к классовой борьбе пролетариата с буржуазией, противопоставляя ему лозунг интернациональной культуры трудящихся всего мира. Речь шла у него, правда, не об отрицании национальной культуры, как ему это часто приписывают, а о невозможности для рабочего класса замыкаться в рамках культуры какой-то одной нации, отождествлять себя с ней, отбрасывая то ценное, что есть в других культурах. Рабочие, по мысли Ленина, будучи интернациональным классом, являются наследниками всей мировой культуры.

В годы советской власти такая оценка национальной культуры (как исключительно буржуазной), учитывая характер государственного устройства СССР, была несколько смягчена: советская культура трактовалась как национальная по форме и социалистическая по содержанию. Национальное в культуре было реабилитировано хотя бы по форме. Сегодня сведение национального лишь к форме никого уже не устраивает.

За различными суждениями о национальной культуре порой трудно уловить, о чем, собственно, идет речь. Для многих она – всего лишь слово, у которого нет четкого значения и определенного содержания. Под видом

¹ *Межуев Вадим Михайлович* – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

² Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президума РАН "Этнокультурное взаимодействие в Евразии".

национальной культуры защищают часто то, что ею вовсе не является, разрушая попутно ее подлинные святыни и ценности. Возрождают древние обряды и обычаи, когда никакой нации не было, и равнодушно взирают на бедственное состояние школ, музеев и библиотек, без которых нет национальной культуры. Поощряют шоу-бизнес и массовую культуру и обрекают на финансовое голодание все то, что служит сохранению национального культурного наследия. Культурная архаика и массовая культура – тоже культура, но не национальная: с их помощью можно вернуться к племенной жизни или приобщиться к космополитизму современного массового общества, но сохранить своё национальное лицо невозможно.

Вместе с тем нельзя отрицать реальные трудности, возникающие при определении границ национальной культуры. В неё часто включают либо всё, либо... ничего. Вот лишь один пример из истории отечественной мысли. Русский философ Г.П. Федотов, много размышлявший на эту тему, склонен был трактовать понятие национальной культуры предельно широко. В статье "Новое отечество" он писал: "Нация, разумеется, не расовая и даже не этнографическая категория. Это категория прежде всего культурная, а во вторую очередь политическая. Мы можем определить её как совпадение государства и культуры. Там, где весь или почти весь круг данной культуры охвачен одной политической организацией и где, внутри её, есть место для одной господствующей культуры, там образуется то, что мы называем нацией"³. Нация есть, прежде всего, "культурное единство", куда входит "религия, язык, система нравственных понятий, общность быта, искусство, литература. Язык является лишь одним из главных, но не единственным признаком культурного единства"⁴. "Культурное единство нации" в трактовке Федотова и есть то, что сегодня называют национальной культурой. Для него несомненно, что русские в плане своего культурного единства уже сложились как нация, однако это единство еще не нашло для себя адекватного национального государственного устройства. Так, "за всё тысячелетие своей истории Россия искала национального равновесия между государством и культурой и не нашла его"⁵. В этом причина крайней неустойчивости российского государства, которая, как предсказывал Федотов, рано или поздно приведет его к распаду.

Другой русский мыслитель – социолог Питирим Сорокин – в противоположность этой точке зрения отрицает возможность определения нации через религию, язык, мораль и пр., т.е. через то, что обычно понимают под национальной культурой. Но тогда и само ее существование ставится под сомнение. Обращаясь к понятию национальной культуры, Сорокин пишет:

³ Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 245.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 248.

"Но разве это "туманное пятно" не состоит как раз из тех элементов, о которых только что шла речь? Выбросьте из "культуры" язык, религию, право, нравственность, экономику и т.д., и от "культуры" останется пустое место"⁶. Определяя нацию через культуру, мы рискуем, как считал Сорокин, превратить нацию в миф, которому в действительности ничего не соответствует.

Как ни парадоксально, по-своему прав каждый из этих авторов. Национальная культура, действительно, включает в себя язык, религию, мораль, искусство и пр., но ни один из этих элементов сам по себе не может служить признаком, отличающим одну национальную культуру от другой. Большинство мировых религий имеет наднациональный характер, многие национальные культуры (английская и американская, испанская и латиноамериканские) говорят на одном языке. Все знают, что искусство национально, но что отличает одно национальное искусство от другого? Если только язык, как быть тогда с музыкой и живописью? Ведь звуки и цвета не имеют национальной природы, и, тем не менее, музыка Верди – итальянская музыка, а Чайковского и Мусоргского – русская. В каждой национальной литературе есть свои поэты, прозаики, драматурги, которые создают свои произведения на разных языках, но работают в одних и тех же литературных жанрах и формах. И разве русский роман отличается от французского только языком, на котором написан? Тогда перевод снимет эту разницу. Есть, видимо, более тонкая и трудно уловимая грань между национальными искусствами, над обнаружением которой постоянно бьются литературоведы и искусствоведы. Пусть они и ищут ее в каждом конкретном случае. Но можно ли отличие одной национальной культуры от другой представить в каком-то общем виде?

Пытаясь раскрыть "субстанциальную основу" национальной культуры, говорят обычно о том, что она выражает "душу" народа, его менталитет, общность исторической судьбы, особенности его психического склада и характера, присущий ему взгляд на мир и пр. Такое объяснение, возможно, и верно, но слишком абстрактно и метафизично, отсылает к реалиям, которые не поддаются верификации (опытной проверке) и теоретическому анализу. И, главное, не содержит в себе критерия, отличающего национальную культуру от культуры не национальной, также выражающей чью-то "душу". Не все же культуры являются национальными. В наскальной живописи тоже есть "душа", но она – не национальная культура. И чем национальная "душа" отличается от всякой иной "души"? Сорокин прав: нельзя всерьез доверять дефинициям, которые видят в нации "метафизический принцип", какую-то таинственную "вне- и сверхразумную сущность". Сюда относится и определение нации как "коллективной души", которое создается "путем подчёркивания психологической природы этого явления". Отсюда он делает вывод, что "национальности как единого социального элемента нет, как нет и спе-

⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 247.

циально национальной связи"⁷, т.е. в социальном мире нет ничего такого, что безусловно заслуживало бы названия национального.

Правильнее, видимо, считать нацию понятием не субстанциальным (т.е. заключающим в себе некий метафизический или психологический субстрат), а *функциональным*, существующим в системе определенных соотношений. Применительно к национальной культуре это означает, что каждая из них существует только в отношении к другим национальным культурам. Не будь их, не было бы и её. Каждая национальная культура обладает столькими же отличительными признаками, сколько есть других культур, с которыми она себя соотносит. Русская культура по отношению, например, к немецкой обладает одним набором признаков, по отношению к французской – другим и т.д. Границы каждой национальной культуры определяются общим числом этих соотношений. Одна национальная культура отличается от другой лишь в отношении того, чем они вместе обладают. Особенное здесь неотделимо от общего, различие от единства. В качестве национальных культуры осознают себя, следовательно, лишь во множественном, но не единственном числе.

Народы древности (греки, например), считая культурными только себя, называя других варварами, не имели никакого понятия о национальной культуре. Средневековая Европа, мыслившая себя единой христианской нацией, культурно превосходящей все остальные, также не знала этого понятия. Культура, считающая себя единственной в мире, естественно, не осознает себя национальной культурой. Для этого необходимо признать существование других национальных культур. Где и когда стало возможным это признание?

Возникновению национальных культур препятствовало, конечно, не отсутствие соответствующего понятия, а особый тип культурного развития, господствовавший в истории на протяжении длительного отрезка времени. И тогда культуры существовали во множественном числе, но мыслили себя в отношении не друг к другу, а только к самим себе. К таким культурам мы отнесли все дописьменные культуры, суммарно обозначив их как *этнические* (или *народные*). Каждая из них существовала в состоянии изоляционизма, резкого противопоставления своего чужому (только "свое" считалось нормой и ценностью), обостренного чувства вражды и неприязни ко всему, что выходило за ее пределы. Именно эти культуры обладают свойством "субстанциальности" – наличием определенного и постоянно воспроизводимого "субстрата" во многом природного происхождения. В них люди связаны между собой "кровью и почвой", т.е. единством происхождения (кровным родством) и места проживания. Обладая пространственным разнообразием, повышенной изменчивостью при переходе от одной местности к дру-

⁷ Там же. С. 248.

гой, они одновременно отличаются исключительным постоянством, невосприимчивостью к любым инновациям, устойчивостью и неизменностью образующих ее элементов.

Но главной особенностью этнических культур, как уже отмечалось, является их непосредственно групповой, коллективный характер, отсутствие в них развитого индивидуального начала. Потому они не обладают главным свойством национальной культуры – способностью соотносить, сопоставлять, соизмерять себя с другими культурами, жить с сознанием своей сопричастности с ними. Этническая культура позволяет каждому народу оставаться самим собой, но мало способствует его совместной жизни с другими народами. Когда такая жизнь станет исторической необходимостью, наступит время национальных культур.

Переход к ней есть результат прорыва человеком узкого горизонта своего обособленного этнического существования. Чтобы этот прорыв мог состояться, должна была произойти настоящая "культурная революция". Ею и стало изобретение письменности. Сама по себе письменность, возникшая в древних цивилизациях, еще недостаточна для появления наций и национальной культуры, но именно в русле традиции письменной культуры сложится впоследствии то, что получит название национальной культуры.

Письменная культура способна объединить людей, живущих на больших пространствах и не связанных между собой узами прямого родства. Предельной формой такого объединения были первоначально не нации, а цивилизации. Нации формируются внутри уже сложившейся цивилизации, и первой цивилизацией, положившей начало этому процессу, стала европейская. Так, еще средневековая католическая Европа, читавшая и писавшая преимущественно по-латыни, осознавала себя единым целым под водительством Римской Церкви. Возникшие внутри нее нации явились следствием стремления европейских государств к обретению политической независимости от Римской Церкви. Политика заставляла их обращаться к своим народам на их родном (народном) языке, что и стало в конечном счете причиной возникновения национальных культур. История любой национальной культуры начинается с появления национального литературного языка и национальной литературы, начало чему в Европе было положено переводом Библии и других священных текстов с латыни на языки европейских народов. Среди критериев, отличающих одну нацию от другой, Э. Хобсбаум выделяет "существование давно и прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком – литературным и административным"⁸, что, однако, не отрицает принадлежности их всех к одной цивилизации, к общей системе христианских ценностей, дополненной затем общностью доставшегося им от античности культурного наследия.

⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998 С. 62.

Данное обстоятельство особенно важно. Национальные культуры не являются простым переводом этнического наследия на язык письменности. Одной лишь записи древних мифов, легенд, эпических сказаний недостаточно для её возникновения. Национальные культуры вбирают в себя это наследие, но преобразуют его в соответствии с тем, что несет с собой цивилизация. Каждая из возникших на исходе Средневековья национальных культур представляет как бы сплав этнокультурного наследия того или иного европейского народа с общеевропейскими ценностями. Будучи порождением одной и той же цивилизации, заключая в себе, следовательно, нечто общее при всех своих возможных различиях, национальные культуры потому и обретают дар взаимного общения и диалога.

Чтобы воспринять это общее, нужно, как минимум, выйти за рамки своей групповой идентичности, осознать себя индивидом, существующим в относительной независимости от того целого, с которым связан по факту своего этнического родства. Это становится возможным в результате возникновения письменности. Ведь само умение читать и писать — элементарное условие для вхождения в национальную культуру — требует от человека индивидуальных усилий. Соответственно и письменное слово обретает постепенно именное авторство, становится выражением чувств и мыслей конкретного лица. Письменность, влечет за собой превращение любой человеческой общности, лишенной внутри себя индивидуальных различий, в межличностное общение людей на базе общей им всем системы ценностей. Нация — это общность, не изначально заданная людям, а возникающая и постоянно воспроизводимая в процессе их взаимного общения, причем преимущественно письменного, существующая благодаря этому общению. Способность общаться, понимать друг друга, вступать в диалог, возможно, и есть главное условие существования нации. Если этнос, как уже говорилось, — это коллективная личность (здесь у всех — как бы одно лицо), то нация — это коллектив людей с разными лицами и индивидуальностями. Конечно, и в этом случае их что-то объединяет — прежде всего, политическое гражданство, в силу которого они осознают себя единой нацией, но такое единство не является здесь препятствием для их индивидуального выбора и самовыражения. Вот почему в отличие от моноличности и единообразия этнических культур национальные культуры по преимуществу диалогичны: они включают в себя множество индивидуальных самовыражений — политических, мировоззренческих, художественных и пр., далеко отстоящих друг от друга и даже порой конфликтующих между собой.

С другой стороны, человек, осознавший себя самостоятельным индивидом, способен как бы выходить за рамки своей группы, возвышаться над ней, вступать в контакт с представителями других групп, приобщаясь вместе с ними к ценностям более высокого — сверхнационального — порядка. В каждой нации есть то, что Владимир Соловьев называл "сверхнациональ-

ным единством". "Смысл существования нации, — писал он, — лежит не в них самих, но в человечестве", которое есть не абстрактное единство, но при всем своем несовершенстве "реально существует на земле", "движется к совершенству.. растет и расширяется вовне и развивается внутренне"⁹. Можно спорить с Соловьевым, как он понимал это единство, в чем видел его приоритеты, но без признания такого единства нельзя понять и причину возникновения наций. Они появляются как бы в зазоре между особенным и всеобщим, локальным и универсальным, являя собой синтез, сочетание того и другого. Становясь нацией, тот или иной народ не просто растворяется, исчезает в наднациональном пространстве цивилизации, но включается в него с минимальными для себя потерями и издержками, сохраняя при этом свою особенность и самобытность.

С этой точки зрения, национализм (как политика и идеология) есть не просто желание народа стать нацией посредством приведения своих государственных границ в соответствие с культурными (так его вслед за Г.П. Федотовым определяет Э. Геллнер), но и отрицание этим народом какой-либо своей общности с другими народами. Применительно к культуре он есть отрицание в ней общечеловеческого начала в пользу ее национально-обособленного существования. Культура мыслится здесь исключительно как граница, отделяющая один народ от другого, без признания их цивилизационного родства. Но тогда вообще непонятно, чем нация отличается от этноса, в чем смысл ее появления на свет. В крайних формах национализма (таких, например, как фашизм) национальное полностью редуцируется к этническому, понимаемому как "чистота крови" или расы, как чисто биологическая принадлежность к тому или иному антропологическому типу.

Но есть и обратная сторона той же медали. Некоторые исследователи, желая избежать отрицательных последствий национализма, выдвигают в противовес ему идею демократически-правового устройства общества, согласно которой люди независимо от своей национальности должны быть наделены равными политическими и гражданскими правами. В такой постановке вопроса все национальное, в том числе и в культуре, является лишь препятствием на пути к социальной интеграции людей, тем, что нужно преодолеть, т.е. величиной сугубо отрицательной. В отличие от национализма подобную позицию можно было бы назвать либерализмом в национальном вопросе, стремящимся решить его в пользу не нации, а отдельного индивида. Чем-то она напоминает постановку вопроса в марксизме с его интернационализмом и идеей неизбежного отмирания наций.

В попытке противостоять крайностям национализма и либерализма их абсолютизацией или, наоборот, отрицанием национальных различий, на

⁹ Соловьев Вл. Русская идея // Русская идея. С. 192.

Западе (особенно в США) стали много говорить и писать о политике мультикультурализма, направленной на сохранение традиций и обычаев малых этнических групп в составе населения многонациональных и полиэтнических государств. В духе этой политики под демократией стали понимать обязанность государства считаться с интересами, в том числе культурными, этнических меньшинств, ставить их подчас выше интересов большинства. Это вызывает критику среди тех либералов, которые идею приоритета интересов меньшинства перед интересами большинства противопоставляют идею равноправия всех людей без каких-либо исключений.

Вопрос, однако, в том, можно ли политическое равенство перенести на культуру. Ведь и в условиях политического равенства люди не откажутся от своих культурных предпочтений, часто неприемлемых для людей другой культурной ориентации. Люди, конечно, равны в своем культурном выборе, но отсюда еще не следует равенства культур, которые они выбирают. Даже признав право меньшинства жить по своим обычаям и привычкам, как совместить это право с его обязанностью жить по общим для всех правилам и законам? Нет такого общественного порядка, при котором каждый живет, как хочет, не считаясь с другими, не признавая обязательных для всех норм поведения, а значит, и лежащих в их основе ценностей. И могут ли эти ценности быть уравниены с ценностями меньшинства? Равенство, очевидно, возможно при наличии не только различий между людьми, но и того общего, что их объединяет. Но из этого следует, что приоритетной для государства должна быть культура, в которой содержится это общее, т.е. культура национальная в противоположность этнической. Политика государства в области культуры и должна иметь своей целью не консервацию этнических особенностей образующих его малых групп и народов, не превращение их в этнографические реликвии, а формирование общей для них всех национальной культуры, которая только и позволит каждому народу сохранить то ценное, что он наследует из своего этнокультурного прошлого. Это касается и России. Если у народов, населяющих ее, в плане культуры нет ничего общего, если они при всех своих различиях не обладают хоть какой-то общекультурной идентичностью, заставить их жить в одном государстве можно только силой, а это, как известно, весьма ненадежное средство.

Народ, следовательно, становится нацией по причине не просто своего несходства с другими народами, но и наличия у него с ними цивилизационного родства, сознание чего и находит свое отражение в национальной культуре. Каждая из них несет на себе печать создавшего ее народа, транслируя одновременно некоторую общую для них систему ценностей, или, другими словами, выражая общую им всем "идею". "Идея" — это то, что присутствует в сознании каждой европейской нации как свидетельство ее связи с другими нациями, как признание своей общеевропейской идентичности. И здесь самое время поговорить о "русской идее", ставшей с некоторых пор

предметом повышенного интереса отечественных философов и острых дискуссий между ними.

Вопрос о "русской идее" — прежде всего академический. Ему принадлежит важное место в истории русской философской и общественно-политической мысли. Полемика вокруг того, что понимать под русской идеей, шла на протяжении большей части XIX и XX вв., приводя к разным результатам. После снятия у нас запрета на изучение русской философии в ее полном объеме возродился и интерес к этой теме. Первоначально он выразился в переиздании ранее опубликованных текстов, после чего появился ряд монографий, написанных современными авторами. Во всяком случае, необходимость обращения к данной теме в историко-философском плане ни у кого не вызывает сомнения.

Иное дело, когда тот же вопрос ставится применительно к сегодняшней России. В такой формулировке он вызывает к себе разное отношение, вплоть до резко негативного. Так, академик Д.С. Лихачев сказал в свое время: "Общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед — это не просто глупость, это крайне опасная глупость". В том же духе высказываются некоторые другие деятели культуры, принадлежащие, как правило, к либерально-демократическому лагерю. Русская идея для них — чуть ли не синоним русского национализма, сталкивающего Россию с другими странами Запада. Но вот другое мнение: "Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация". Оно принадлежит Достоевскому, а вслед за ним было поддержано многими другими выдающимися русскими мыслителями и писателями, коих никак не заподозришь в узко понятом национализме. Кто здесь прав?

"Русскую идею" трактуют часто как национальную. Но в каком вообще смысле можно говорить о национальной идее? Ее, видимо, не следует смешивать с национальным интересом, играющим важную роль в политической практике, в частности в области межгосударственных отношений. Каждое государство обладает своими национальными интересами, защита которых — преобладающий тип политики в современном мире. Россия здесь не исключение. Никто не станет отрицать наличия у нее национальных интересов — даже самые ярые противники национализма. Что же вызывает у них смущение при слове "идея"?

Различие между идеей и интересом трудно установить в границах существования одной нации, но оно становится очевидным, как только мы ставим вопрос о принадлежности данной нации к более широкой исторической общности — цивилизации. При несходстве своих национальных интересов разные нации, принадлежа к одной цивилизации, выражают эту принадлежность в идее. Можно спорить о том, в чем состоит эта идея, но она, несомненно, присутствует в национальном сознании и культуре каждого народа, принадлежащего к общей им всем цивилизации. Так, любой европеец

независимо от своей национальной принадлежности знает, что он европеец. Еще Константин Леонтьев удивлялся тому, что чем больше европейские народы обретают свою национальную независимость, тем больше они становятся похожими друг на друга.

Подобная "схожесть" и позволяет говорить об объединяющей их идее. Европа в этом смысле — не механический конгломерат стран и народов, разделенных между собой национальными интересами, но определенная целостность, сложившаяся вокруг общей для себя идеи. Эту идею можно было бы назвать общеевропейской, но она по-своему осознается и формулируется в каждой европейской нации — ее философами и художниками. Не только экономический расчет, но и наличие такой идеи способствует сегодня общеевропейской интеграции.

О духовном родстве народов Европы писали многие выдающиеся мыслители Запада. По словам, например, Э. Гуссерля, "как ни были враждебно настроены по отношению друг к другу европейские нации, у них все равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их всех и преодолевающее национальные различия. Такое своеобразное братство вселяет в нас сознание, что в кругу европейских народов мы находимся "у себя дома"¹⁰. Подобное "родство духа" Гуссерль и называл идеей.

Идея, следовательно, — это система ценностей, имеющая более универсальное значение, чем национальный интерес. Интерес — это то, что каждый хочет для себя, идея — то, что он считает важным, нужным не только для себя, но и для других, в принципе — для всех. Каждый народ, как и человек, имеет свой интерес, но далеко не каждый имеет идею, которую может сообщить другим. Таким народом были, например, древние римляне. Рожденная ими "римская идея" и сейчас во многом определяет самосознание человека в европейской культуре.

Поиск такой идеи характерен и для России. После победы над Наполеоном, когда Россия оказалась втянутой в гущу европейской политики, мыслящая часть российского общества задумалась о том, что отличает Россию от Европы и что связывает с ней. Тогда-то впервые и заговорили о русской идее. У нас она стала своеобразным продолжением "римской идеи", но только в ее русском прочтении и истолковании.

О русской идее писали преимущественно философы, причем до того, как Россия стала предметом экономического и социологического знания. По словам Н.А. Бердяева, вопрос о России есть историософский вопрос и его постановка свидетельствовала не о желании отделить Россию от Европы, а наоборот, о стремлении найти между ними то общее, что связывает их поверх национальных барьеров. В таком понимании русская идея не заклю-

¹⁰ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 302.

чала в себе никакого национализма, не оправдывала чувство национального превосходства одного народа над другими, не призывала к национальному обособлению России.

Наоборот, величие России она связывала с преодолением ею своего национального эгоизма, даже с ее национальным самоотречением во имя сплочения и спасения всех христианских народов. В этом смысл данного Соловьевым знаменитого определения "идеи нации", согласно которому она "есть не то, что она сама думает о себе во времени, но что Бог думает о ней в вечности"¹¹. Русская идея, как ее понимал Соловьев, есть не столько реальность, сколько стоящая перед Россией религиозная и нравственная задача жить в соответствии не только со своими национальными интересами, но и с теми моральными нормами и принципами, которые общи всему христианскому миру, составляют суть христианства. Она есть сознание ответственности государства перед Богом, его необходимости быть не только национальным, но и христианским государством.

Разумеется, существовали и иные варианты русской идеи, трактовавшие ее в националистическом или традиционалистском духе, выводившие на первый план несходство славянского культурного типа со всеми остальными (Н.Я. Данилевский). В. Соловьев справедливо усматривал в такой трактовке русской идеи "вырождение славянофильства", не отрицавшего при своем возникновении духовной близости России и Европы. Русский национализм родился под прямым воздействием западного национализма и в противовес ему. По словам Бердяева, "национализм новейшей формации есть несомненная европеизация России, консервативное западничество на русской почве"¹².

С другой стороны, тот вариант русской идеи, который защищался Соловьевым, страдал излишним мессианизмом, отождествлением русского с вселенским, абсолютизацией теократической формы правления, означающей господство Церкви над государством. Друг и биограф Соловьева Е.Н. Трубецкой был во многом прав в своей критике соловьевского проекта вселенской теократии как сути русской идеи. "Внимание его, — писал он о Соловьеве, — было поглощено мечтой об универсальном мессианизме России. Он отождествлял русскую национальную идею с воплощением самого христианства в жизни человечества, с осуществлением на земле Царства Божия в образе вселенской теократии. Но именно потому, что Россия была для него только народ Божий, народ мессианский, он отрицал всякие индивидуальные, особенные черты в русском народном характере. Индивидуальное, особенное у него потонуло в абсолютном, универсальном"¹³.

¹¹ Соловьев Вл. Русская идея // Русская идея. С. 187.

¹² Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. С. 300.

¹³ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Русская идея. С. 255-256.

Россия, по словам Трубецкого, не христианство в целом, как думал Соловьев, а одна из его обителей, хотя столь же вселенская, как и остальные. И русский народ — не единственно избранный народ, а один из многих, призванный вместе с другими делать одно общее дело. В этой трактовке русской идеи на первый план выходило то, что сближает Россию со всеми другими народами, ставит ее вровень с ними.

Последним и, пожалуй, наиболее влиятельным вариантом русской идеи стало евразийство, возникшее в русской эмиграции в 20-х гг. XX в. По своему эта идея дала знать о себе и в русской версии марксизма. Но это тема для особого разговора.

Наличие разных трактовок русской идеи не отрицает их общей принадлежности к русской национальной культуре. Все вместе они утверждали и национальное своеобразие России, ее самобытность, и ее общность с другими европейскими странами и народами. Как бы ни трактовать эту идею, Россия предстает в ней в качестве не просто особого национально-культурного образования, но такого, которое вместе с другими такими же образованиями образует единое целое. Она потому и *русская*, что ставит вопрос о России, и потому *идея*, что ищет ответ на него не в самой только России, но в общей для нее с Европой культурной традиции, нашедшей в России лишь свое специфическое преломление.

Подобно Европе, Россия в лице своих философов мыслила эту идею как универсальную, способную объединить народы в их служении "общему делу". Само это дело формулировалось ими как в религиозных, так и светских терминах. С этой точки зрения Россия — европейская страна, неотъемлемая часть западного мира. Русская идея была прямым продолжением западной идеи универсальной цивилизации, получившей название "римской". Эта идея мыслила человечество как единую, универсальную цивилизацию, живущую по общим для всех законам. Иное дело, что универсальность эту искали в России (под влиянием прежде всего православия) в ином направлении, чем на Западе — в области не столько права, сколько морали, причем православной морали. Русская идея в трактовке русских мыслителей — это, прежде всего, нравственно-религиозная, духовно спасающая и объединяющая идея (в противоположность формально-правовой). Она отстаивает верховенство сердца над отвлеченным рассудком, правды над истиной, сострадания над справедливостью, соборности над гражданским обществом, духовного подвижничества над прагматикой частной жизни. Своим главным противником она сделала индивидуалистскую и утилитаристскую мораль в том ее виде, как она победила на Западе, став там источником национализма, способного принести в жертву своим интересам интересы других. Идеальная политика, с точки зрения русской идеи, выше политики интересов: в ней преимущество отдается не силе, а моральным ценностям. Еще Николай I говорил английскому послу, что Россией в отличие от Англии

движут не интересы, а убеждения. Особенностью "русской идеи" и было как раз то, что национальное в ней мыслится в неразрывном единстве с общечеловеческим.

Но можно ли примирить так понятую национальную идею с современной западной цивилизацией, называемой индустриальной, постиндустриальной, а теперь еще и глобальной? Чем вообще может быть национальная культура в мире этой цивилизации? Геллнер, например, переход к национальной культуре объясняет возникновением индустриального общества, которое требует от граждан исполнения социально и профессионально стандартизированных ролей, наличия единой для всех (гомогенной) культуры, свободной от местных различий, базирующейся на столь же стандартизированном литературном языке. В обществе научной и технической рациональности все его члены "должны быть способны общаться с помощью письменных, безличных, свободных от контекста, ни к кому определенному не обращенных типовых посланий. Поэтому средством этого общения должен быть единый, общий для всех, стандартизированный устный и письменный язык"¹⁴. Здесь западная цивилизация отождествляется с индустриальным обществом, а национальная культура с тем, что позволяет индивиду адаптироваться к этому обществу. В таком изображении она выглядит излишне формализованной и рационализированной, лишенной индивидуальных различий и смыслов. Язык Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского — все же не язык индустриального общества, хотя именно в нем сложились общенациональные нормы русского литературного языка.

Отождествление западной цивилизации лишь с рационально организованными формами жизни людей в индустриальном обществе, сводящими к минимуму индивидуальную свободу и развитие человека как личности, не кажется слишком убедительным. Еще менее убедительно сведение национальной культуры к человеческому поведению и общению в таком обществе: ведь для приобщения к ней нужна не безликая масса, а автономная человеческая индивидуальность, способная выходить за обособленные рамки своей группы. Люди, сформированные национальной культурой, как правило, не страдают ксенофобией, болезненной подозрительностью и недоверием ко всему чужому, равно как и потерей собственного лица. Национальная культура противостоит тем самым как изоляционизму традиционных этнических культур, так и стандартизированной массовой культуре. Не будучи ни этнической, ни массовой, она успешно функционирует лишь в пространстве цивилизации, которая во имя общего не подавляет то, что в них есть особенного и индивидуального, а во имя особенного не отрицает общее между ними.

¹⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 89.